

Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

egorka1988@gmail.com

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

maria.emilia.winkler@gmail.com

В статье обсуждается социолингвистическая ситуация, характеризующая татышлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка, преимущественно распространенный в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Данные собраны методом анкетирования носителей в рамках экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в 2019–2023 гг. Также использованы материалы корпуса устных текстов, записанных и расшифрованных в ходе экспедиций. Приводится базовая информация о населении Татышлинского района и об опрошенных носителях говора (возрастные группы, уровни образования, род занятий, миграция внутри района). Систематизированы данные о сферах использования татышлинского говора с учетом поколенческого фактора. Обсуждаются случаи перехода на русский язык, в т. ч. усиление роли последнего в младшем поколении. Проанализирована роль литературного удмуртского языка в сообществе (использование литературных элементов в речи на татышлинском говоре, выбор идиома в общении с удмуртами из других районов, вопросы образования). Отмечены особенности ситуации языкового контакта с носителями тюркских идиомов (владение башкирским и татарским языками в удмуртском сообществе, ситуации общения с представителями тюркских народов). Характеризуется практическая

деятельность, направленная на сохранение удмуртского языка в сообществе.

Ключевые слова: удмуртский язык, татарский язык, башкирский язык, русский язык, татышлинский говор, сферы использования языка, языковые контакты, практическая деятельность

Для цитирования: Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А. Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. *Родной язык*, 2024, 1: 16–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-16-43

The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork

Egor Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
egorka1988@gmail.com

Maria Emilia Winkler

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
maria.emilia.winkler@gmail.com

The present article deals with the sociolinguistics of a subdialect of the Udmurt language spoken primarily in the Tatyshly district of Bashkortostan (Russia). The data was collected via questionnaires filled out by native speakers during fieldwork by the linguistics department of Moscow State University in 2019-2023. Data from a corpus of oral texts that was recorded and transcribed during the fieldwork is included as well. After briefly outlining the population dynamics in the Tatyshly district and our sample of native speakers, we discuss the domains in which Tatyshly Udmurt is used (taking into account variation across generations), code-switching to Russian (especially involving the younger generation), the role of Standard Udmurt in the community (interference between Tatyshly Udmurt and Standard Udmurt, communication with speakers from other areas, education), and language contact with Turkic varieties (knowledge of Bashkir and Tatar among the Udmurt community, communication with Turkic-speaking people). Practical activities aimed at Udmurt language maintenance are also outlined.

Keywords: Udmurt language, Tatar language, Bashkir language, Russian language, Tatyshly Udmurt, domains of language use, language contact, language maintenance

For citation: Kashkin E., Winkler M. E. The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 16–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-16-43

1. Введение

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация, в которой находится татышлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка (о диалектной классификации см. [Кельмаков 1998: 41–43]). Его носители компактно проживают на территории Татышлинского и Балтачевского районов Республики Башкортостан, а также Куединского района Пермского края, см. [Baidoullina 2003: 6]. Ареал, обсуждаемый в данной статье, ограничен Татышлинским районом.

Изучение татышлинского говора представляет интерес в силу его сложной истории и контактных процессов. Переселение его носителей (включаемых в более широкую группу закамских удмуртов) с современной территории Удмуртии происходило с XVI по XVIII–XIX вв. (см. историческую справку в [Христолюбова, Миннихметова 1994: 3–4; Атаманов 2005: 115–132; Садиков 2016: 86–87, 97–99; Toulouze, Anisimov 2020: 32–39]). В результате татышлинский говор долгое время развивался обособленно от основного массива удмуртских говоров, по сей день испытывая существенное влияние контактных тюркских идиомов — татарских и башкирских говоров.

Официальные данные о национальном составе населения Татышлинского района доступны в Таблице 1.

Таблица 1

Национальный состав населения Татышлинского района (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 513]

Национальность	Количество человек
Все население	25159
Башкиры	15114
Удмурты	5399
Татары	3754
Русские	467
Марийцы	316
Представители остальных национальностей и лица, не указавшие национальную принадлежность	109

В удмуртском языкознании татышлинский говор исследован не слишком подробно. Его наиболее детальное лингвистическое описание доступно в [Baidoullina 2003]. Языковая ситуация и деятельность, направленная на сохранение родного языка, наиболее подробно освещались в [Toulouze 2013; Шайхисламов и др. (ред.) 2020; Садиков 2023]. Наши данные сопоставляются со сведениями из указанных работ в основном тексте статьи.

Материал для статьи собран в экспедициях ОТиПЛа МГУ, проводящихся в Татышлинском районе с 2019 г. по настоящее время. Участники экспедиций работали преимущественно в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, также посетили д. Арибаш, д. Бигинеево, д. Верхнебалтачево, с. Уразгильды. Основной целью экспедиций является изучение грамматики и лексики татышлинского говора (см. доклады и публикации на сайте проекта: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>). С целью адекватной интерпретации данных проводилось социолингвистическое анкетирование инфор-

мантов (всего 80 носителей говора). Сплошного социолингвистического анкетирования в посещенных деревнях и селах не организовывалось. Анкета включала вопросы:

- о годе и месте рождения информанта;
- о местах, где он жил и учился в детстве;
- о последующих местах жительства, в т. ч. о длительных выездах за пределы района;
- об уровне образования и специальности;
- о сфере деятельности на момент опроса и в течение жизни (в т. ч. до выхода на пенсию);
- о владении языками и активности использования русского, литературного удмуртского, башкирского, татарского, других языков (что касается татышлинского удмуртского, то для работы с экспедицией изначально подбирались свободно владеющие им люди, которые активно пользуются им в повседневной жизни);
- о национальности и местах рождения родителей, бабушек и дедушек;
- о семейном положении, национальности и месте рождения супруга/супруги;
- о том, какие языки информант использует в общении с родственниками различных поколений, на работе, в магазине, в повседневном общении с другими жителями села, в других релевантных для него жизненных ситуациях;
- о том, какие языки информант использует в общении с представителями других национальностей;
- о том, знакомится ли информант с текстами и различным медиаконтентом на удмуртском языке (книги, пресса, интернет-ресурсы и др.);
- выборочно были заданы вопросы о том, на каком языке носитель думает, видит сны и обращается к домашним животным, поскольку это коррелирует с уровнем владения языком и частотой использования языка в повседневной жизни;
- информант мог добавить на свое усмотрение любые другие сведения, касающиеся его языковой биографии,

либо не ответить на те или иные вопросы (например, не помнить, где родился его дедушка по отцу, или не делиться подробностями о семейной ситуации).

Поскольку участники экспедиций работали со значительным количеством носителей, и часть из них контактировала с коллективом постоянно, а часть — только один или два раза, подробность социолингвистического анкетирования различалась в зависимости от носителя: с некоторыми из них отдельные вопросы могли пропускаться или обсуждаться лишь кратко. Анкеты собирались большинством участников экспедиции. Разработка анкет, координация их сбора, обобщение и анализ результатов проводились авторами статьи.

Помимо анкет, в статье учитываются материалы экспедиционного корпуса текстов на татышлинском удмуртском (см. <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>). В основном он включает устные тексты, которые были расшифрованы при участии носителей языка. Тексты относятся к различным жанрам и посвящены широкому набору тем. Некоторые из них содержат информацию, релевантную для описания социолингвистической ситуации. Избранные выдержки из текстов приводятся по ходу статьи (при них приводится название текста в корпусе, удмуртский оригинал записан в фонологической транскрипции). В силу того что объем статьи ограничен и ее основное содержание не касается вопросов грамматики, глоссированные примеры опущено (оно доступно в корпусе по ссылке выше).

Дальнейший текст статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 приводится базовая информация об опрошенных нами носителях (возрастные категории, уровни образования, род занятий, переезды внутри района и др.). В разделе 3 охарактеризованы сферы использования татышлинского говора и его конкуренция с другими идиомами. Раздел 4 посвящен некоторым различиям татышлинского говора и литературного удмуртского языка и связанным с ними особенностям языковой ситуации. В раз-

деле 5 освещается использование контактных тюркских языков в исследуемом удмуртском сообществе. В разделе 6 описаны текущие практики сохранения татышлинского говора. Раздел 7 содержит итоги исследования.

2. Базовая информация об опрошенных носителях

В ходе исследования было опрошено 80 носителей говора (68 женщин и 12 мужчин). Количество респондентов, рожденных в каждом десятилетии, представлено в Таблице 2. Их средний возраст составляет приблизительно 55 лет.

Таблица 2

Распределение опрошенных носителей по годам рождения

Десятилетие	Количество носителей
1930-е	1 чел.
1940-е	3 чел.
1950-е	18 чел.
1960-е	26 чел.
1970-е	21 чел.
1980-е	5 чел.
1990-е	2 чел.
2000-е	4 чел.

Распределение по уровню образования выглядит следующим: 13 человек имеют основное (неполное) общее / среднее общее образование, 33 — средне-специальное образование (среди них 3 человека с неоконченным средне-специальным образованием), высшее образование есть у 31 респондента (среди них 1 человек с неоконченным выс-

шим, 1 человек с ученой степенью, а также 16 человек, получивших высшее филологическое образование).

Наибольшее количество опрошенных носителей (30 чел.) имеет опыт работы в сфере школьного образования. Значительное количество респондентов занято в сфере культуры и искусства (12 чел.). Многочисленны группы носителей, имеющих опыт работы в сфере дошкольного воспитания (10 чел.), сельского хозяйства (10 чел.) и в библиотечной сфере (7 чел.). 10 респондентов имеют опыт работы более чем в одной сфере.

В ходе изучения татышлинского говора участники экспедиций нередко отмечают значительную вариативность в суждениях носителей, однако найти однозначную корреляцию ответов с местом рождения или местом проживания информанта редко представляется возможным. Дело в том, что различные локальные варианты татышлинского говора находятся в постоянном тесном контакте: так, только 12 опрошенных носителей отметили, что проживают в месте своего рождения (или ближайшем населенном пункте, ср. Старый Кызыл-Яр и Ивановка; Старокальмиярово и Петропавловка), при этом оба родителя, бабушки и дедушки родились в том же населенном пункте. Ровно половина респондентов (40 человек) меняли место жительства (чаще всего — внутри Татышлинского района). У 21 респондента среди ближайших предков двое и более человек (например, мать и бабушка по отцовской линии / обе бабушки / мать, бабушка по материнской линии и дедушка по отцовской линии и т. д.) меняли место жительства, чаще всего также внутри Татышлинского района. Обычно смена места жительства связана с изменением семейного положения, причем переезжают женщины. Только 10 респондентов эксплицитно отмечают случаи смены места жительства отца, деда или супруга.

Устойчивая связь различных локальных вариантов татышлинского говора обеспечивается и за счет большого количества совместных мероприятий.

3. Сферы использования языка

В данном разделе мы обсудим использование удмуртского языка в различных ситуациях и сферах жизни, рассмотрим параметры, которые способны повлиять на выбор языка, а также коснемся вопроса языковых идеологий. В целом использование удмуртского языка в исследованном сообществе преобладает (см. также иллюстрации в [Toulouze 2013: 3–5]), однако фиксируются и альтернативные модели в общении с младшими поколениями и в межнациональной коммуникации.

Одним из значимых аспектов для оценки языковой ситуации является язык общения в семье и межпоколенческая передача языка. Все опрошенные носители, включая родившихся в 2000-е гг., используют удмуртский язык в общении со старшими родственниками (родителями, бабушками и дедушками). При этом у носителей конца 1970-х г. р. и младше встречаются ответы, что в общении с родителями может использоваться и русский язык (хотя удмуртский в любом случае преобладает). Старшее поколение носителей (вплоть до 1950-х г. р.), напротив, отмечает низкий уровень владения русским языком своих родителей (1920-е г. р.).

Доля использования удмуртского языка с родственниками одного поколения, а также с младшими родственниками различается, поскольку выбор языка общения в этом случае зависит от ряда параметров. Так, многие респонденты в общении со своими детьми используют удмуртский язык, однако есть носители, использующие как удмуртский, так и русский язык в этом типе внутрисемейного общения. Переход на русский в общении с детьми наиболее заметен по ответам информантов начиная с 1970-х г. р. Большая часть представителей данного поколения отмечает, что общается со своими детьми как на удмуртском, так и на русском, однако есть и те, кто ответил, что использует либо только русский, либо только удмуртский.

Некоторые носители, использующие удмуртский язык в общении со своими детьми, обозначили ситуации, в ко-

торых они переходят с ними на русский язык: это присутствие представителей других национальностей и/или младших родственников, не знающих удмуртского языка.

Все респонденты, включая представителей младшей возрастной категории, отмечают, что используют удмуртский язык в коммуникации с собеседниками своего поколения. В общении с супругами большинство респондентов использует удмуртский язык.

Следующий этап изменений в языковом поведении происходит у представителей сообщества 2010-х г.р. Носители, родившиеся в 2000-е гг., отмечают, что общаются с младшими братьями и сестрами, родившимися в том же десятилетии, на удмуртском языке, в то время как в общении с собеседниками 2010-х г.р. используют преимущественно русский язык. По словам одного из респондентов, старшие дети (1990-е г.р.) в коммуникации со сверстниками используют удмуртский язык, в то время как младшие (конец 2000-х г.р.) общаются со сверстниками на русском (в семье же языком общения является удмуртский). Респонденты 1960-х г.р. отмечают, что младшие внуки знают удмуртский язык хуже, чем старшие, или владеют лишь пассивно (в том числе, судя по ответам опрошенных носителей, видна разница по среднему уровню владения между теми, кто родился в начале и в конце 2010-х). Также отмечаются случаи, когда родители целенаправленно говорят с детьми 2010-х и 2020-х годов рождения только на русском языке. В случае детей 2010-х г.р. может возникать и «прайминг», когда они обращаются к родителям по-русски и родители автоматически отвечают им на русском языке, несмотря на то что основным языком общения в семье является удмуртский. Возрастающая роль русского языка среди младших поколений детей ощущается и в самом сообществе, ср. рассказ жительницы д. Верхнебалтачево об общении с внуком (первый отрывок далее) и мнение об этой проблеме жительницы с. Новые Татышлы (второй отрывок):

udmurt s'äin woobuče ug veräs'kâ. udmurt s'äin veres'kânâ kutskis'kom val. kutskis'kom ke... Вы опять на английском разговариваете, šüe so mil'am. angl'i s'äin veres'kis'kom. Удмуртский, как английский sooslâ tin'i 'По-удмуртски вообще не говорит. Начинали говорить по-удмуртски. Если начинаем... Вы опять на английском разговариваете, говорит он у нас. По-английски говорим. Удмуртский, как английский для них вот'. [ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni]

i gurtamâ mil'am ulo pörtem äd'amijos, pörtem nacijen: udmurtjos van', tatarjos, bigerjos van', ž'uč'jos van'. školajamâ pinaljos mâno so... soin, naverno... dugdâtid ke pinalez, soos veralo...tânâd bûgato veranâ baškârt s'äin no, u'mort s'äin no, ž'ús' s'äin no. То есть tros dârjakâ mil'am u'mort pinal'losmâ... baškârt s'äin no todo, u'mort s'äin no todo, ž'ús' s'äin no todo. no tän'i al'i däre malâ ke no mil'am pinaljosmâ ž'uč'omânâ kutis'kizâ, ž'uč' s'äinges veras'ko. so s'ulemez šug kare, kon'ešno. 'В нашем селе живут разные люди, разных национальностей: удмурты есть, татары есть, русские есть. И в школе дети идут поэтому, наверно... Если остановишь ученика, они говорят... Они тебе смогут ответить и на башкирском, и на удмуртском, и на русском языке. То есть наши удмуртские дети в большинстве случаев... и башкирский знают, и удмуртский знают, и русский знают. Но вот в последнее время наши дети почему-то начинают русеть, говорят больше по-русски. Это, конечно, нас беспокоит'. [SIM_05072019_EK_NTatyshly]

В некоторых семьях переход внуков на русский язык общения может вызывать некоторые неудобства в общении со старшим поколением, у которого основным используемым языком выступает удмуртский, ср. следующий отрывок из рассказа жительницы с. Новые Татышлы 1937 г.р.: *ž'ús' kâlez= ž'ús' kâlez tuž ôj todâ. ž'ús' kâlez tuž ôj todâ. ken= pije ken bas'tiz ž'ús'ez, so bere amân nâlpijosân dâšâli. vune inde, vune, so no vune kâzâr, vol'asa k= so nâlpijosân ule al'i. al'i pijos ž'ús' s'äin veres'ko ved'. Поневоле dâšod peres'mâsa. taše pijos kâzâr ž'ús' s'äin veres'ko. kâk ares pi ug= ug vaz' u'murt s'äin. ž'ús' s'äin. pijos, pijos ž'ús' s'äin. kot'*

nâl'los u'murt s'äin veres'ko. kün' pijos ž'üs' s'äin, kopak. aslam pilen pijosâz 'Русский язык... русский язык особо не знала [в молодости]. Русский язык особо не знала. Сын взял русскую невесту, после этого более-менее с детьми научилась. **Забывается уже, забывается, и это забывается сейчас, совершенствуется с детьми сейчас. Сейчас дети по-русски разговаривают ведь. Поневоле выучишь на старости лет.** Такие [маленькие] дети теперь на русском разговаривают. Двухлетний мальчик не отзывается по-удмуртски. По-русски. Ребята, ребята по-русски. Хоть девочки по-удмуртски разговаривают. Три парня по-русски, полностью. Сыновья моего сына'. [GMK-03082021_VI_2_igry]

Мы выявили несколько установок, связанных с выбором языка общения. Во-первых, русский язык часто используется для общения с представителями другой национальности, например в райцентре (с. Верхние Татышлы). В этом случае он конкурирует с татарским языком, см. подробнее раздел 5.

Во-вторых, ряд носителей указывает на использование русского языка в общении с родственниками, переселившимися за пределы Татышлинского района. Носители различного возраста (как 1940-х, так и 1970-х г. р.) отмечают, что используют русский язык в общении с братьями и сестрами, живущими в других регионах (во многих семьях, однако, сохраняется и использование удмуртского языка). Также русский язык нередко используется в общении с младшими родственниками (в первую очередь с внуками), живущими вне Татышлинского района: в этом случае выбор русского языка может быть обусловлен возрастным фактором, на который накладывается и фактор того, что внуки находятся вне языкового сообщества.

Многие респонденты, работающие или работавшие ранее в школе, отмечают, что языком общения между коллегами является удмуртский, в то время как значительно преобладающий язык общения между учителями и учащимися — русский. Некоторые респонденты связывают это с общей установкой на высокое владение русским языком

у учащихся. При этом часть учителей отмечает, что и вне школы они используют русский язык с детьми школьного возраста, вне зависимости от возраста и уровня владения языком у детей. Другие учителя, напротив, делятся впечатлениями, что раньше школьники знали удмуртский язык лучше, чем русский, и тогда приходилось использовать русский язык в обучающих целях, в то время как сейчас наблюдается обратная ситуация, и они стараются использовать удмуртский.

Практически все опрошенные носители говорят по-удмуртски в повседневном общении в селе/деревне, где проживают: с соседями, в магазине, на работе. Однако существует ряд исключений. Во-первых, удмуртский язык обычно не используется в общении с представителями других национальностей (см. также раздел 5). Многие отмечали использование русского в общении с конкретным продавцом в магазине, а также русского и татарского для общения с некоторыми коллегами — не удмуртами. Кроме того, русский язык может использоваться в более официальном регистре общения: с начальством или на педсоветах.

Для более детального понимания языковой ситуации были использованы элементы глубинного интервью на более узкой выборке (11 человек). Носителям выборочно были заданы вопросы о том, на каком языке они думают, видят сны и обращаются к домашним животным.

Большинство носителей отмечает, что думает только или преимущественно на удмуртском (за исключением одного носителя из д. Арибаш). Несколько носителей называет следующие ситуации, в которых они думают на русском языке:

- перед тем как сказать что-нибудь по-русски;
- продумывая поздравления и пожелания;
- мысленно беседуя с конкретными людьми, в общении с которыми в жизни используется русский.

Часть носителей утверждает, что видит сны исключительно на удмуртском. Некоторым носителям, однако, сны снятся как на удмуртском, так и на русском.

При обращении к домашним животным большинство носителей используют удмуртский язык. Существующие языковые установки, относящиеся к людям, оказываются применимы и к коммуникации с животными:

- Один носитель отмечает, что раньше обращался к животным исключительно на удмуртском, а сейчас — на русском.
- Один носитель обращается к животным только на удмуртском, поскольку «по-русски они не понимают».
- Один носитель обращается к большинству животных на удмуртском, но к коту, недавно привезенному из города, — на русском.

Также авторы статьи присутствовали при следующих ситуациях:

- Носитель обращается к лающей собаке по-удмуртски, однако, когда собака не прекращает лаять, переходит на русский.
- Носитель обращается к кошке по-татарски, поскольку кошка была взята у татар и «понимает только по-татарски».

4. Татышлинский говор и литературный удмуртский язык

Носители, с которыми мы работали, в целом владеют литературным удмуртским языком. Он долгое время преподается в школах Татышлинского района: о его изучении в школе нам сообщали как информанты 1955–1970 г. р., с которыми мы работали в большей степени, так и люди старшего поколения (эксплицитные упоминания есть в анкетах носителей 1937 и 1944 г. р.). До настоящего времени преподавание литературного удмуртского сохранено. Кроме того, жители района в той или иной мере знакомятся с контентом на литературном языке. Прежде всего это номера районной газеты «Ошмес»: в ее редакции действует установка на литературное нормирование (хотя заме-

тим, что языковые особенности ее текстов в сравнении с языком СМИ Удмуртии никогда специально не исследовались). Носители татышлинского говора также читают художественную литературу на удмуртском, материалы на удмуртском языке в интернете и смотрят различные видеоролики. Здесь следует оговорить, что поступление материалов из Удмуртии в Татышлинский район происходит в довольно скромном (и, на наш взгляд, в недостаточном) объеме: в районных библиотеках, которые мы посещали, значительно больше изданий на русском и на башкирском языках; по телевизионной сети удмуртские каналы не транслируются. В некоторой степени указанные обстоятельства, по-видимому, нивелируются благодаря развитию интернета.

В текстах из экспедиционного корпуса можно наблюдать вкрапления элементов литературного языка. Так, значение 'хороший'/'хорошо' выражается в татышлинском говоре тюркским заимствованием *äjbät* (64 вхождения в корпусе на момент подготовки статьи). В то же время в текстах встречается и литературный вариант *uŋoj* (16 вхождений). Интересно, что некоторые носители делятся размышлениями о соотношении этих вариантов по ходу рассказа, ср. *klasmä mil'am ukär uromjosä mänam tuž äjbätes' val. «äjbät» no «uŋoj» no, «äjbät» обычно используется у нас. uŋojes', äjbätes' val. 'Класс у нас и друзья у меня очень хорошие были. [Слова] äjbät и uŋoj, äjbät обычно используется у нас. Хорошие были' [GuOM-30072022_VO_osebe4]. Еще один пример такого рода — употребление послелогов *s'äin* (121 вхождение) и *s'amen* (11 вхождений) в некоторых сравнительных конструкциях и конструкциях образа действия, в частности для обозначения языка в контекстах типа 'говорить по-удмуртски'. Первый (и более частотный) из названных вариантов является диалектным, но встречается и второй (литературный) вариант. В области фонетики одной из хорошо осознаваемых самими носителями особенностей говора является употребление краткого гласного *ä* на месте литературного *i* (в ки-*

риллической орфографии *ы*). Эта закономерность в целом соблюдается в текстах, однако отмечается и произношение на литературный манер, ср. *koč'jšez* 'его кошка' (в татышлинском *koč'šez*), *liktimte* 'не пришел' (в татышлинском *lâktânte*), *nišaš* 'девочка' (в татышлинском *nâlaš*) и др.

Нельзя исключать, что употреблению литературных единиц способствует ситуация записи текста в присутствии приезжих исследователей, которая может невольно провоцировать у информантов желание выглядеть более грамотными. В то же время полностью сводить к этому использование литературных форм, по-видимому, не следует. Во-первых, те же самые носители (большинство из них работает с участниками экспедиций уже несколько лет) довольно часто сообщают при анкетировании, что какая-либо языковая черта характерна для литературного удмуртского, но не для татышлинского говора, и последовательно порождают именно татышлинские варианты при направленном опросе. То же верно и для спонтанных текстов, как можно судить в т. ч. по представленным примерам со статистикой. Во-вторых, включение литературных элементов в речь носителей татышлинского говора не всегда последовательно. Так, использование на литературный манер *і* вместо *ә* может сочетаться в пределах не только одного текста или предложения, но и одной словоформы с сохранением других особенностей татышлинского говора, см., например, словоформы *kiše* 'какой' (в литературном удмуртском *кыче*) и *pišatini* 'пропитать, внедрить' (в литературном удмуртском *пычатыны*), в которых носитель использует на литературный манер *і*, одновременно сохраняя типичную для татышлинского говора замену литературного твердого *č* (в орфографии *č*) на *š*.

Несмотря на общее знакомство с литературным удмуртским, носители татышлинского говора указывают на его существенные отличия от стандарта, что может приводить к коммуникативным затруднениям. В общении с носителями вариантов удмуртского языка, более близких к литературной норме, респонденты используют разные стра-

тегии. Большинство из тех, кто высказывался на эту тему, стараются переходить на литературный удмуртский (или на удмуртский говор собеседника, если таковой им знаком). Некоторые носители татышлинского говора отмечают, что жители Удмуртии не понимают их речь в полном объеме, поэтому при такой коммуникации они сознательно переключаются на литературный язык. Впрочем, использование татышлинского говора в коммуникации с удмуртами из других мест также возможно для части носителей. Отмечаются и случаи перехода на русский язык в тех ситуациях, когда собеседник не понимает сказанного на татышлинском говоре или когда респондент затрудняется в выражении мысли на литературном языке.

Многие жители Татышлинского района отмечают, что в литературном языке с течением времени появляется много незнакомых им новых слов (см. также [Цыпанов 2009: 202–204; Титова 2014] о неологизмах в удмуртском и в целом в пермских языках). Ярче всего эта проблема проявляется в сфере образования, когда компетентные носители татышлинского говора затрудняются помочь детям или внукам в подготовке домашнего задания по курсу родного языка. Среди конкретных примеров указывались слово со значением ‘флаг’ (раньше русское заимствование, а сейчас неологизм *кункышет*), термины из сферы государственного устройства (например, *элькун* ‘республика’), названия месяцев, названия нехарактерных для данной местности реалий (один из информантов вспомнил ситуацию, когда родители не могли подсказать детям, как будут по-удмуртски черепаха и обезьяна — в литературном словаре [Udmcopus] приводятся варианты *избака* и *маймыл* соответственно). По оценкам некоторых наших информантов, это осложняет изучение литературного удмуртского языка детьми и вызывает определенное отторжение к учебному предмету в семьях.

5. Татышлинский говор и тюркские языки

Как уже отмечалось выше, татышлинские удмурты находятся в долгом тесном контакте с тюркским населением региона (историческую справку и ссылки на литературу об этом см. раздел 1). См. также рассказ одного из жителей с. Нижнебалтачево (1947 г. р.): *än'i m̄nam pes'atajlen... n'il' suzerjos̄zlen odigez gine udmurtl̄a biz'em. k̄n'ez biz'il'l'am baškirl̄a no tatarjos̄l̄a, so berejaz̄a baškir-tatar š̄usa n'imalo* 'Вот у моего дедушки... Из четырех сестер только одна вышла замуж за удмурта. Трое вышли замуж за башкира и за татар, после этого их называют башкир-татар'. [ВНМ-31072021_DB_istorija-udm]

Контакты татышлинских удмуртов с соседними народами способствуют в т. ч. овладению их языками, что мы и обсудим далее.

Вопрос об идиомной принадлежности вариантов тюркских языков, распространенных в Татышлинском районе и на соседних территориях, является предметом дискуссии, ср., например, описание северо-западного диалекта башкирского языка [Миржанова 2006] и татарских говоров Башкортостана [Булатова 2021], а также обсуждение на 12-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН¹. Среди опрошенных нами носителей татышлинского удмуртского также встречается некоторая неуверенность в различении тюркских идиомов: некоторые из респондентов замечали, что не вполне понимают, владеют ли они татарским или башкирским говором, другие в целом указывали на значительное сходство татарского и башкирского языков и утверждали, что знают оба. В русском предложении *Мужчина заговорил со мной по-татарски*, использованном одним из авторов статьи в грамматической анкете, обозначение языка было переведено как *bašk̄art s'äin*. Большинство ре-

¹ См. https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/211123_daclp (дата обращения: 08.10.2023), а также обзор в [Плеханова 2021].

спондентов, однако, различают татарский и башкирский языки довольно четко.

Опрошенные носители удмуртского вспоминали, что освоили татарский при общении с соседями, в детстве во время игр со сверстниками, в коммуникации с коллегами отца, работавшего в лесничестве вместе с татарами, и т. п. Башкирский язык широко распространен в Республике Башкортостан как язык титульной нации, жители Татышлинского района и региона в целом сталкиваются с ним в различных сферах; в частности, он преподается в школах как государственный или как родной язык (см. также [Михальченко (ред.) 2016: 79–84, 686–694], краткую справку о преподавании башкирского языка в Татышлинском районе см. в [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 31]). Заметим, что, согласно [Там же: 29], в советский период «в условиях отсутствия учебников и преподавателей башкирского языка шел перевод школ на татарский язык обучения в северо-западных районах Башкортостана, в т. ч. в деревнях с преобладающим башкирским населением».

По данным [ВПН 2020/2021], в Татышлинском районе русским языком владеют 4353 удмурта (3923 используют его в повседневной жизни); удмуртским языком — 4205 удмуртов (4088 используют его в повседневной жизни); татарским языком — 1842 удмурта (1114 используют его в повседневной жизни); башкирским языком — 1580 удмуртов (650 используют его в повседневной жизни) [ВПН 2020/2021]². Наши данные также свидетельствуют о том, что уровень и активность владения татарским языком среди татышлинских удмуртов несколько выше, чем башкирским. На факт активного владения татарским языком эксплицитно указали 37 опрошенных нами информантов. Кроме того, 22 человека пояснили, что понимают татарский, но не говорят

---

² Данные переписи [ВПН 2020/2021] об общем количестве представителей той или иной национальности в Татышлинском районе нам недоступны (в разрезе района имеются только материалы того раздела переписи, который касается владения языками). Сведения за 2010 г. представлены в разделе 1.

на нем. Еще 6 человек, по их словам, не владеют татарским. В свою очередь о владении башкирским сообщили 10 человек. Еще 13 человек понимают башкирский, но не говорят на нем. Не владеют башкирским (и сообщили об этом эксплицитно) 16 человек. Оговорим, однако, что мы ориентировались исключительно на собственные суждения информантов и не проводили с ними работы ни по татарскому, ни по башкирскому языку.

Ситуация общения с носителями татарского является для наших информантов, по их словам, более частой, чем ситуация общения с носителями башкирского. Языком межнационального общения обычно выступает татарский и/или русский. Представители местного татарского населения, по оценкам информантов, могут в той или иной мере владеть удмуртским языком (мы не проводили специальных опросов носителей татарского и не располагаем собственной статистикой по данному вопросу, опираясь здесь только на суждения носителей татышлинского удмуртского). В повседневном общении между удмуртами и татарами использование удмуртского языка в основном оценивается как нехарактерное. Это подтверждается и данными Всероссийской переписи населения: в Татышлинском районе русским языком владеют 1462 татарина (используют в повседневной жизни 1393), татарским языком — 1303 татарина (используют в повседневной жизни 1245), удмуртским языком — 102 татарина (используют в повседневной жизни 63) [ВПН 2020/2021].

В качестве развернутой иллюстрации распределения языков приведем рассказ одного из жителей с. Нижнебалтачево (1947 г. р.) о его языковой биографии: *mon= pokč'i dırjam= mil'am s'emja uliz... mil'am kız'okıs'ges rodn'amı dorın. <...> so tatarka s'ajin ve= tatar s'amen veres'ke val. mon no soın nâris'se veres'kânâ kuts'ki tatar kılın. anajen no atajen no tatar s'amen veres'kis'ko val. so bere korka äs'melâ žutâsa potem bere, s'emjaje o'č'â kôc'em bere... mon tatar ô= s'emjajen mon udmurt s'amen gâne veres'ki, mon udmurt s'amen gâne veres'kis'ko val. tatar kâlez berlo kule lüz no mon soje tuž*

kapč'ijen gäne= dâšets'kâsa bas'ti. tatar s'amen mon veres'kis'ko... akcenttek. akcente mâna= akcente mânam tatar kâlân jevâl. tatarjos, mon ug tos'kâni dâr... ton tatarin, šuo, mone kot' kü ke no veres'kis'ko ke. al'i dirin, užakâ, mânâm kün' kâlen veres'kono kule lüz. malâ ke šuono общее делопроизводство, šuodin'i. so van'mâz no veres'ke i so= i sobran'ijosân kîtin, tatân ulizj bigerjos, udmurtjos, ž'üs'jos ulizj. sobran'ijosâz kot' kuno ž'üs' kâlân nuâsa mânâlis'kom val. zas'edan'ijos les'tâlis'kom val, sokâ= udmurt s'amen= šer veres'kis'= šer veres'kâlâs'kizâ. il'i so udmurt ke so u'—ца, i udmurt s'âin veranâ kule ke, udmurt s'âin verasa kel'tis'kod. užakâ, jesl'i udmurten, udmurt s'ain veres'kis'kod, bigerez biger s'ain, ž'üs'enâz ž'üč' s'ain veres'kis'kom val 'Когда я был маленький, наша семья жила... У наших дальних родственников. <...> Они как татарка го... по-татарски разговаривали. Поэтому и я сначала заговорил на татарском. И с мамой, и с папой я разговаривал на татарском. Потом, построив себе дом, переехали, семья туда переехала... Я в татарской семье говорил только по-удмуртски, я говорил только по-удмуртски. Татарский язык потом мне понадобился, и я его очень легко выучил. Я говорю по-татарски... Без акцента. Мой акцент... У меня нет акцента по-татарски. Татары, я не знаю уж наверное... Ты татарин, говорят, каждый раз, когда я говорю. В наше время, на работе мне пришлось разговаривать на трех языках. Потому что общее дело-производство, скажем так. Это всё говорится на собраниях и в других местах, тут жили татары, удмурты, русские жили. Собрания всегда проводили на русском языке. Заседания проводили, тогда... на удмуртском... редко разговаривали. Или если человек удмурт, и надо что-то сказать на удмуртском, то скажешь на удмуртском. На работе, если с удмуртом, то говоришь на удмуртском, татарин — на татарском, с русским на русском разговаривали'. [ВНМ-05082021_TD_o_sebe2]

Мы не располагаем детальной информацией о факторах, влияющих на выбор татарского или русского языка при общении между удмуртами и татарами (в том случае,

когда носитель удмуртского в принципе владеет татарским). Отметим лишь упомянутую двумя респондентами практику общения на татарском с его пожилыми носителями и выбора русского языка в коммуникации с молодыми носителями. Сами респонденты воспринимают это как знак уважения к старшим. Одновременно многие из опрошенных носителей указывают на то, что представители старших поколений татышлинских удмуртов владеют (или владели) татарским лучше (так, жительница с. Новые Татышлы 1966 г. р. вспоминала, что ее родители хорошо знали татарский и говорили на нем между собой, если хотели что-то скрыть от детей). С течением времени, по-видимому, в межнациональном общении возросла роль русского языка.

6. Практики сохранения языка

В Татышлинском районе применяется ряд практик по поддержке удмуртского языка и культуры (см. их обзор также в [Садиков 2023]). Они официально поддерживаются на республиканском и районном уровнях. Действует Региональная общественная организация «Республиканский национально-культурный центр удмуртов Башкортостана» (многие представители ее актива проживают в Татышлинском районе) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 443–444] и филиал ГБУ Дом дружбы народов Республики Башкортостан — Удмуртский историко-культурный центр (с. Новые Татышлы) [Там же: 444–445].

Силами этих организаций проводятся многочисленные мероприятия, направленные на сохранение и развитие удмуртского языка и культуры (традиционные праздники и обрядовые действия — см. также обзор в [Садиков 2016: 126–133], День удмуртского языка, концерты, фестивали, конкурсы). Участники нашего проекта посетили некоторые мероприятия: удмуртский язык не только выполняет там символическую функцию, но и активно используется. В селах и деревнях организованы отделения клуба уд-

муртских женщин «Эшгъяськон тугоко» («Венок дружбы»), координирующие проведение мероприятий на локальном уровне. Различные культурные мероприятия, в т. ч. связанные с удмуртской тематикой, проводятся на базе школ, сельских клубов и библиотек. Работает целый ряд удмуртских фольклорных коллективов, организующих выступления в Татышлинском районе и за его пределами. В 2021 г. многие члены удмуртского сообщества приняли участие во Всемирной фольклориаде, проходившей в Республике Башкортостан.

Представители удмуртских объединений оказывают активное содействие в организации этнографических (см. их обзор в [Тулуз 2020]) и лингвистических экспедиций в Татышлинский район. В Татышлинском районе издается газета удмуртов Башкортостана «Ошмес» («Родник»). Она популярна среди языкового сообщества, хотя использование в газете литературного языка может создавать некоторые затруднения для восприятия текстов (см. раздел 4).

Внимание на местном уровне уделяется и работе с детьми (хотя, с учетом изложенных выше обстоятельств, это направление нуждается в активизации, прежде всего в популяризации использования родного языка в семьях). Удмуртский язык, как уже говорилось выше, преподается в школах. Много лет функционирует детский летний лагерь «Усточикар» («Город мастеров»): дети из Республики Башкортостан и соседних регионов погружаются в нем в изучение национальной культуры, традиций и языка (именно удмуртский является основным языком общения в лагере) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 452–453]. Схожее направление имеет детский клуб «РенБик», функционирующий с 2021 г. при Удмуртском историко-культурном центре. Для участников клуба организуются творческие занятия, они привлекаются к различным мероприятиям центра.

В ходе нашей экспедиции 2022 г. в с. Нижнебалтачево был проведен мастер-класс по составлению комиксов на родном языке по методике проекта «Финно-угорские коми-

ксы»³. В нем участвовала носитель языка 2003 г. р. родом из этого села. Такая работа вызвала у нее значительный интерес и в дальнейшем могла бы быть масштабирована.

7. Заключение

Языковая ситуация у татышлинских удмуртов характеризуется весьма активным использованием их родного говора в различных сферах. В то же время она становится многогранной за счет взаимодействия говора с русским языком, литературным удмуртским языком и контактными тюркскими языками (татарским и башкирским). Среди молодых представителей сообщества усиливается роль русского языка, что наиболее заметно при общении с детьми 2010-х г. р. Довольно активно используется русский язык и в сфере образования, а также в официальной коммуникации.

Литературный удмуртский язык в целом знаком носителям татышлинского говора, зачастую они переходят на него в общении с носителями удмуртского языка, проживающими на других территориях. В то же время в использовании литературного языка могут наблюдаться затруднения, приводящие к переходу на русский язык в такой ситуации. Сложности для носителей татышлинского говора создают и распространяющиеся в литературном языке неологизмы, что особенно заметно в сфере образования.

Многие представители сообщества в той или иной мере владеют татарским (в большей степени) и башкирским языками. Как наиболее частую ситуацию межнационального общения они оценивают коммуникацию с носителями татарского. В этом случае используются татарский и русский языки.

В Татышлинском районе активна практическая деятельность, направленная на поддержку удмуртского языка и культуры (в сфере общего и дополнительного образо-

---

³ См. сайт проекта www.finnougriccomics.com (дата обращения: 15.10.2023).

вания, культурных мероприятий, организации традиционных праздников и обрядов).

Литература

Атаманов 2005 — Атаманов М. Г. *От Дондыкара до Ур-сыгурта. Из истории удмуртских регионов*. Ижевск, 2005.

Булатова 2021 — Булатова М. Р. *Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект*. Казань, 2021.

ВПН 2020/2021 — Всероссийская перепись населения 2020/2021 года. Раздел 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 5.38. Соотношение языков владения, повседневного использования и родных языков населения Российской Федерации по наиболее многочисленным национальностям.

Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография*. Ижевск, 1998.

Миржанова 2006 — Миржанова С. Ф. *Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)*. Уфа, 2006.

Михальченко (ред.) 2016 — *Язык и общество. Энциклопедия*. Гл. ред. Михальченко В. Ю. Москва, 2016.

Плеханова 2021 — Плеханова А. И. Двенадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике (Москва, Институт языкознания РАН, 23 ноября 2021 г.). *Социолингвистика*, 2021, 1: 127–134.

Садиков 2016 — Садиков Р. Р. *Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография)*. Уфа, 2016.

Садиков 2023 — Садиков Р. Р. Этнокультурное развитие закамских удмуртов в XX–XXI вв. *Вордскем кыл*, 2023, 7: 39–44.

Титова 2014 — Титова О. В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2014, 1: 41–46.

Тулуз 2020 — Тулуз Е. Семь лет полевых работ у закамских удмуртов: коллективный опыт. *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*, 2020, 1: 53–63.

Христолюбова, Миннияхметова 1994 — Христолюбова Л. С., Миннияхметова Т. Г. *Удмурты Башкортостана (история, культура, современность)*. Уфа, 1994.

Цыпанов 2009 — Цыпанов Й. Перым кывъяслон талунья серпас. *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Ed. by J. Ylikoski. Helsinki, 2009: 191–206.

Шайхисламов и др. (ред.) 2020 — *Татышлинская энциклопедия*. Гл. ред. Шайхисламов Ф. Р. Уфа, 2020.

Baidoullina 2003 — Baidoullina A. *Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология*. Magistritöö. Tartu, 2003.

Toulouze 2013 — Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. *Études finno-ougriennes*. 2013, 45. En ligne. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872>. Consulté le 12 octobre 2023.

Toulouze, Anisimov 2020 — Toulouze E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2020, 79: 31–58. Online publication. URL https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf. Access date: 12.10.2023.

Udmcorpus — *Национальный корпус удмуртского языка*. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home>. Дата обращения: 10.10.2023.

References

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyгурта. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyгurt. From the history of the Udmurt regions]. Izhevsk, 2005. (In Russ.)

Baidoullina A. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshly subdialect of Udmurt: phonetics and morphology]. Magistritöö. Tartu, 2003. (In Russ.)

Bulatova M. R. *Tatarskiye govory Bashkortostana: areal'nyy aspekt* [Tatar subdialects of Bashkortostan: the areal aspect]. Kazan, 2021. (In Russ.)

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedeniye. Fonetika. Morfologiya. Dialektnyye teksty. Bibliografiya*. [A short course in Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography.] Izhevsk, 1998. (In Russ.)

Khristolyubova L. S., Minniyakhmetova T. G. *Udmurty Bashkortostana (istoriya, kul'tura, sovremennost')* [Udmurt people of Bashkortostan: history, culture, modernity]. Ufa, 1994. (In Russ.)

Mikhal'chenko V. Yu. (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. [Language and society. Encyclopedia]. Editor-in-chief Mikhal'chenko V. Yu. Moscow, 2016. (In Russ.)

Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka (formirovaniye i sovremennoye sostoyaniye)* [The North-Western dialect of Bashkir (formation and current state)]. Ufa, 2006. (In Russ.)

Plekhanova A. I. Dvenadtsatoye zasedaniye Diskussionno-analiticheskogo kluba po yazykovoy politike (Moskva, Institut yazykoznaniya RAN, 23 noyabrya 2021 g). [The 12th meeting of the Discussion and Analytical Club on Language Policy (Moscow, IL RAS, November 23, 2021)]. *Sociolingvistika*, 2021, 1: 127–134. (In Russ.)

Sadikov R. R. *Finno-ugorskiye narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, 2016. (In Russ.)

Sadikov R. R. *Etnokul'turnoye razvitiye zakamskikh udmurtov v XX–XXI vv.* [Ethnocultural development of the Eastern Udmurts in the 20th–21st centuries]. *Vordskem kyl*. 2023, 7: 39–44. (In Russ.)

Shaykhislamov F. R. (ed.). *Tatyshlinskaya entsiklopediya* [Tatyshly encyclopedia]. Editor-in-chief Shaykhislamov F. R. Ufa, 2020. (In Russ.)

Titova O. V. *O sposobakh obrazovaniya novykh terminov v udmurtskom yazyke* [On ways to form new terms in Udmurt]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. 2014, 1: 41–46. (In Russ.)

Toulouze E. Sem' let polevykh rabot u zakamskikh udmurtov: kollektivnyy opyt [Seven years of field work with the Eastern Udmurt: collective experience]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhja*. 2020, 1: 53–63. (In Russ.)

Tsypanov Y. Perym kyvyaslön talunya serpas [Today's picture of the Permic languages]. *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Ed. by J. Ylikoski. Helsinki, 2009: 191–206. (In Komi)

Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. *Études finno-ougriennes*. 2013, 45. En ligne. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872>. Consulté le 12 octobre 2023.

Toulouze E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2020, 79: 31–58. Online publication. URL https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf. Access date: 12.10.2023.

VPN 2020/2021. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020/2021 goda. Razdel 5. Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami. Tablitsa 5.38. Sootnosheniye yazykov vladeniya, povsednevnogo ispol'zovaniya i rodnikh yazykov naseleniya Rossiyskoy Federatsii po naiboleye mnogochislennym natsional'nostyam. [Census 2020/2021. Section 5. National composition and language proficiency. Table 5.38. Correlation of languages of proficiency, everyday use and native languages of the population of the Russian Federation by the most numerous nationalities]. (In Russ.)

Udmcorpus. *Natsional'nyy korpus udmurtskogo yazyka* [National corpus of Udmurt]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home>. Access date: 10.10.2023. (In Russ.)